

Александр Грин

(1880–1932)

С тобою я, счастливый пилигрим!
Мечту на реи выброшу живую
и вдаль рванусь сквозь тучу грозовую,
чья молния – письмо твоё, о, Грин!

Вонючий трюм, команда – дикари,
пропились все и в морось чумовую
на бочку взобрались пороховую...
Осталось им желанное «умри!»

На клотике звезда зажглась. Ори!
Услышит кто? А волны-бунтари
ревут, не зная отдыха и плена.

Встань, Капитан, на берегу зари
открой сундук, волшебные лари:
как воздух чист! Нет плесени и тлена.

Иннокентий Анненский

(1855–1909)

На ступенях родного вокзала
он простился с воспетой землёй
и ушёл, завернувшись полой,
по пути, что судьба указала.

В кипарисовом складне, казалось,
поперхнулись несметною мглой

птицы-рифмы. Когда отлегло,
встрепенулись они – и умчались.

Безутешная тянется боль,
и какую б ни выбрал глаголь,
одинокое трилистнику в парке.

Только радостно видеть вдаль,
как идут по заре корабли
и «Ник. Т-о» – капитаном на барке.

Зинаида Гиппиус

(1869 – 1945)

Поэт однажды в гости к ней пришёл:
салон, лорнет, изысканные взгляды,
за словом лести – язвы, яства, яды...
Но путь на этом не был завершён.

Что Мережковский в Зиночке нашёл?
Зачем ей снились белые отряды?
Не лучше ль море, синие наяды
и всем ветрам открытый капюшон?

Железом скована стихов волшба,
куда-то рваться – вот её судьба,
но не отнять любви – она от Бога!

Шептала слава: «Кайся и остынь!»
Но душу рвут – разбитые мосты,
огнём дотла сожжённая дорога.